
С. В. БОГДАНОВ, Б. С. МАРТЫНОВ

**ПСИХОЛОГИЯ ПРЕДАТЕЛЬСТВА:
МОТИВАЦИЯ АКТИВНОГО
КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМА
НА ТЕРРИТОРИИ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ
В 1941–1943 ГОДАХ
(по материалам архивно-следственных дел
КГБ СССР)**

В статье исследуется мотивация измены Родине и перехода отдельных советских граждан на сторону гитлеровской Германии в годы Великой Отечественной войны. Исследование проведено на материалах архивно-уголовных дел в отношении советских граждан, активно сотрудничавших с немецкими оккупационными властями на территории Курской области в период ее оккупации немецкими войсками и их союзниками.

***Ключевые слова:** мотивация, коллаборационизм, измена Родине, нацистская Германия, оккупация, нацистский порядок, КГБ СССР.*

Проблематика коллаборационизма на оккупированной немецкими войсками и их союзниками в период Великой Отечественной войны территории Советского Союза вызывает возрастающий интерес в российской науке. Первый взлет интереса наблюдался в начале 1990-х годов и был связан с общим переосмыслением различных периодов отечественной истории на базе иных методологических подходов, введения в научный оборот новых пластов информации. Одной из таких тем стало добровольное сотрудничество части советских граждан с немецкими захватчиками в 1941–1945 годах. Каждая из публикаций (Колесник 1991; Малиновский 1996), затрагивавших этот вопрос, вызывала многочисленные споры, бурные дискуссии не только среди узкого круга специалистов, но и среди широких слоев общественности. Объяснение было на поверхности – слишком острый и долго замалчиваемый вопрос становился достоянием гласности.

С начала 2000-х годов новый виток интереса к этой проблеме во многом был вызван отчетливым стремлением националистиче-

ских идеологов в Прибалтике, Украине и Грузии оправдать бывших активных пособников немецких оккупантов из числа советских граждан, участвовавших с оружием в руках на стороне нацистской Германии в войне против СССР. Но, несмотря на новые исследования (Беликов 1998; Семиряга 2000; Кринко 2000; Будницкий 2013), освещающие различные аспекты коллаборационизма на оккупированной нацистами территории, работы, рассматривающие мотивацию добровольного перехода отдельных советских граждан на сторону Третьего рейха, по-прежнему остаются на периферии исследовательских интересов российских специалистов (см. об этом: Ковалев 2004; Богданов 2014).

Причина сложившейся ситуации с изучением данной проблемы заключается прежде всего в недостатке фактического материала. Дело в том, что сведения, которые помогают выявить мотивацию добровольного сотрудничества некоторых советских граждан с немецкими оккупантами, сосредоточены в архивно-следственных делах территориальных управлений Федеральной службы безопасности России (правопреемницы Комитета государственной безопасности СССР). До недавнего времени на данной категории дел стоял гриф «секретно» и доступ к ним для гражданских специалистов был абсолютно закрыт. Результатом рассекречивания явилась возможность ввести в научный оборот многочисленные сведения, проливающие свет на один из слабоизученных аспектов коллаборационизма – мотивацию измены Родине и перехода на сторону нацистской Германии.

Справедливости ради следует отметить, что причины поступления отдельных граждан на службу в гражданские и репрессивные органы власти, созданные на оккупированной территории СССР, неоднократно становились предметом особого интереса политического руководства страны и органов госбезопасности. Спектр мнений о проводимой сталинским руководством внутренней и внешней политике среди граждан СССР был достаточно широким, включая и однозначно негативные высказывания по поводу существующей власти.

Так, в докладной записке УНКГБ и УНКВД по Москве и Московской области № 1/344, подготовленной на имя заместителя наркома внутренних дел СССР В. С. Абакумова, о положении в г. Москве в связи с началом войны 24 июня 1941 года, были представлены различные настроения советских людей по поводу нападения фашистской Германии на Советский Союз. Наряду с преоб-

ладающими патриотическими настроениями в широких народных массах органы государственной безопасности фиксировали и недоброжелательные, а также пораженческие настроения.

Вот типичные негативные высказывания, приведенные в записке.

«Советская власть не избрана волей народа, и он скажет сейчас свое слово» (Кюн, бывший фабрикант, немец).

«Гитлер забрал 5 городов, а от Киева и Одессы ничего не осталось. Наконец-то мы вздохнули легко. Через 3 дня Гитлер будет в Москве, и интеллигенция заживет по-хорошему» (Данилов, работник райдортреста Сталинского района).

«Победа Советской власти в этой войне сомнительна. Если в 1919–1920 годах народ шел за свободу, за свои права, то теперь ему не за кого умирать. Советская власть довела народ до крайнего озлобления» (Курбанов, начальник стройуправления «Интурист»).

«Крестьяне с радостью встретят весть о войне, так как она освободит их от ненавистных им большевиков и колхозов. Россия, хоть и сильна, но не для Германии, которая разбомбит ее мимолетно» (Мауритц, немка).

«...В тылу СССР много людей, которые ждут только сигнала к выступлению и Гитлеру окажут большую помощь внутри страны» (Островский, педагог Института иностранных языков).

«Я рад этой войне с Германией. Германия, безусловно, в этой войне окажется победительницей, потому что в Советском Союзе моральное состояние народа крайне неудовлетворительное...» (Базанов, работник завода № 46).

«Наконец-то Гитлер услышал наши стоны и пошел защищать народ. Гитлер свой народ бережет и рабочих не губит. Война ему не страшна, он всех победит, и тогда мы ему расскажем, как народ жил при Советской власти» (Крюгер, механик райпромкомбината, Загорский район) (Органы... 2000: 70).

Это был своеобразный микросрез советского общества, в котором в предвоенное десятилетие были не только те, кто с одобрением относились к сталинскому курсу строительства социализма в одной отдельно взятой стране, но и те, кто оказались жертвами скоропалительного свертывания нэпа, раскулачивания в ходе коллективизации, лишенными избирательных прав, депортированными и пр. (Футорянский 2005; Напсо 2010; Сеницын 2011; Ратушняк 2013). Как показали последующие события, данные социальные слои, отдельные советские граждане составили питательную среду

для активного сотрудничества с немецкими оккупационными властями.

Проблемы генезиса коллаборационизма на оккупированной немецкими войсками территории СССР в настоящее время приобрели столь дискуссионный характер потому, что в советской историографии данная чрезвычайно острая постановка вопроса публичной огласки получить не могла, прежде всего по идеологическим мотивам. Сами факты добровольного перехода на службу к немецким захватчикам, начиная от сдачи в плен и заканчивая поступлением на работу машинисткой в городскую управу, уже сами по себе однозначно причислялись к предательству, активному сотрудничеству с врагом. Оценка подобных поступков советских граждан была безоговорочно отрицательной.

Однако нельзя отрицать, что коллаборационизмом были охвачены различные социально-профессиональные группы населения (врачи, учителя, священники и даже школьники, осуществлявшие перепись населения сел и городов, привлекавшиеся к этой работе городскими управами и местной полицией). Исходя из такой логики, все население, оказавшееся в оккупации и в силу этого участвовавшее в обязательных работах на нужды немецкой армии, оккупационных властей, следовало отнести к предателям Родины.

В то же время при анализе коллаборационизма на территории СССР в 1941–1944 годах следует четко отделять отмеченные выше формы более или менее вынужденного сотрудничества с немецкими оккупационными властями от службы в немецкой армии, жандармерии, зондеркомандах и вспомогательных полицейских подразделениях. Сюда же необходимо добавить агентуру немецких оккупантов и их пособников, выслеживавших партизан, участников подполья, советских патриотов, бывших советских руководителей местного масштаба, антифашистски настроенных граждан.

На протяжении довольно продолжительного периода в СССР существовало и тиражировалось официальной пропагандой весьма упрощенное представление о мотивации активного пособничества немецким оккупантам в 1941–1944 годах. Так, например, сразу же после окончания Великой Отечественной войны стали появляться воспоминания участников событий тех лет. Факты измены Родине, активное сотрудничество отдельных советских граждан с немецкими войсками также эпизодически упоминались в этих работах. Довольно часто это можно встретить в воспоминаниях бывших руководителей партизанского движения. Знакомство с данным видом

исторических источников позволяет обратить внимание на серьезное упрощение проблемы активного коллаборационизма.

Приведем довольно типичный пример из мемуаров бывшего начальника штаба брянской партизанской бригады им. Щорса В. А. Андреева (1949: 131), который отмечал: «Нас, участников партизанской борьбы, до глубины возмущало то, что среди русских людей находились отщепенцы, которые шли на немецкую службу. Они вербовались из числа забулдыг, преступников или кулацких отпрысков. Отыщут, бывало, гитлеровцы такого проходимца, назовут его полицейским, вручат ему бумагу с фашистским орлом и свастикой, дадут винтовку с одним-двумя патронами, и заново испеченный служака начинает властвовать».

Данный подход на протяжении 1945–1990 годов тиражировался в советском обществе в различных формах: от популярных телесериалов до многотомных научных изданий. Однако сегодня такой подход превратился в анахронизм, который препятствует серьезному ответу на вопрос, какие мотивы подталкивали граждан к измене Родине.

Информационной базой для проведения настоящего исследования послужили материалы архивно-уголовных дел, расследованных сотрудниками Управления КГБ СССР по Белгородской области в послевоенный период в отношении советских граждан, обвиненных в сотрудничестве с захватчиками.

Активная работа правоохранительных органов по выявлению и задержанию бывших пособников оккупантов на территории Курской области (Указом Президиума Верховного Совета СССР Белгородская область была выделена из состава Курской области в 1954 году) началась сразу же после изгнания немецких оккупантов. Так, в справке, подготовленной Управлением НКГБ по Курской области, о проделанной работе по состоянию на 1 октября 1943 года представлена следующая информация. Всего было арестовано 13 552 человека, в том числе 381 агент немецких спецслужб, действовавших на территории области в период ее оккупации, 12 898 активных пособников фашистской Германии и бывших полицейских (АУФСБ РФ по КО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 5 [1945]. Л. 61).

В процессе расследования каждого уголовного дела накапливалась различная документация: протоколы допросов обвиняемых, свидетельских показаний, очных ставок, всевозможные экспертизы, трофейные документы, архивные материалы, справки и пр. Наряду с выяснением многочисленных обстоятельств преступной

деятельности подследственного в период немецкой оккупации Курской области в 1941–1943 годах следователи госбезопасности также выясняли причины и обстоятельства, которые способствовали переходу конкретного гражданина на сторону нацистской Германии.

Обобщим наиболее часто встречающиеся мотивы поступления на службу к немецким оккупационным властям, иллюстрируя их характерными примерами.

1. Страх наказания за дезертирство из рядов Красной армии. Этот мотив довольно часто упоминается многими фигурантами уголовных дел по обвинению в измене Родине. Это, как правило, бывшие работники городских и районных полицейских органов, созданных немецкими оккупационными властями при содействии коллаборационистских органов гражданского управления.

Типичны в этом отношении материалы архивно-уголовного дела против одного из активных пособников немецких оккупантов в г. Валуйки (одного из районов Курской области) Капустина, впоследствии арестованного органами государственной безопасности. Они позволяют реконструировать первые шаги будущих руководителей Валуйской полиции – Салосина, Чернокалова и самого Капустина.

Капустин в сентябре 1941 года, будучи призван в Красную армию, с командой был направлен в часть. По пути к месту прохождения военной службы Капустин, по договоренности с односельчанами, также призванными в армию, Д. Салосиным, В. Чернокаловым и В. Трегубовым, из команды дезертировали и, скрываясь от органов советской власти, организовали банду под руководством Салосина, совершили ряд грабежей и убийств советского партийного актива.

В мае 1942 года контрразведкой 21-й армии Капустин был арестован, но 15 июня 1942 года из-под стражи бежал и скрывался в Валуйском районе до его оккупации немецкими войсками. В июле 1942 года поступил на службу вначале заместителем начальника Валуйской тюрьмы по хозяйственной части, а затем полицейским Валуйской районной полиции (АУФСБ РФ по БО. АУД № 13132. Т. 4. Лл. 299–300).

2. Желание спастись от голода, приспособиться или сделать карьеру при новой власти. Среди данной категории довольно часто встречались служащие городских управ, магистратур.

3. Реализация собственных преступных наклонностей.

Деятельность бывшего начальника Валуйской полиции Салосина убедительно свидетельствует о его преступной сущности. При этом никакой речи об антисоветской направленности даже не ведется. Один из таких эпизодов рассказал во время допроса бывший следователь Валуйской полиции Курчевский: «Первые задания я получил от Салосина – делать обыск у гражданина, проживающего вверх от тюрьмы по той же улице. Этот гражданин держал чайную, обыск делался, очевидно, с целью грабежа. Я об этом сужу потому, что когда я с двумя-тремя полицейскими делал обыск, то мы откладывали ценные вещи. Но забирать мы ничего не стали, а затем в тот же дом пошел Салосин. Впоследствии я на нем видел плащ, ранее принадлежавший этому гражданину» (АУФСБ РФ по БО. АУД № 13132. Т. 2. Л. 91).

4. Мечь. В отдельных архивно-уголовных делах обвиняемые в качестве основной причины поступления на службу гитлеровской Германии указывают на свое желание отомстить за действия советской власти, отдельных должностных лиц в отношении своих родных, близких, иногда себя лично.

Вот, например, выдержки из протокола допроса старшим оперуполномоченным ОКР «СМЕРШ» 84 РАБ капитаном Нелюбовым Мирошниченко Павла Петровича, 1914 года рождения, который направил на имя начальника особого отдела воинской части п/п № 22685 письмо от 22 марта 1945 года, где раскрывалось прошлое его сослуживца, активно сотрудничавшего в период оккупации с местной полицией, Б. М. Николаева.

Мирошниченко знал Николаева с 15 января 1942 года по совместной работе на электростанции в г. Белгороде. «Николаева могу охарактеризовать как антисоветского человека, ярко настроенного против советской власти. В своих высказываниях Николаев восхвалял немецкий строй, высказывал пораженческие настроения и сильно насмеялся над одним из руководителей партии и правительства. Восхваляя немецкий строй, Николаев заявлял: “У немцев дисциплина и техника лучше нашей, кормят их солдат лучше, наши красноармейцы голодные, не к чему сопротивляться, и умный тот человек, который перейдет на сторону немцев”. В беседе со мной Николаев говорил, что как только немцы дойдут до Волги, я поеду в свое село и отберу свое хозяйство и мельницу, которое у меня было изъято в период раскулачивания. Брат мой уже отомстил и за себя, и за меня, избив до полусмерти председателя сельсовета» (АУФСБ РФ по БО. Ф. 12. Д. 11183. Т. 8. Л. 72).

Еще один довольно красноречивый пример мотива ненависти к советской власти и желания отомстить был выявлен в протоколе допроса бывшего начальника полиции одного из районных центров Курской (в последующем Белгородской) области. Начальник Старооскольской городской полиции Петров Нестор Арефьевич, 1905 года рождения, уроженец станицы Луга Ворошиловградской области, был арестован 4 февраля 1946 года и приговорен к высшей мере наказания. Приговор был утвержден всеми инстанциями. Приведем отрывок из показаний Петрова во время его допроса от 15 июля 1946 года, который довольно подробно раскрывает мотивацию своей преступной деятельности.

«По социальному происхождению я сын крестьянина, бывшего кулака. Отец мой – Петров Арефий Корнеевич, до революции служил казачьим атаманом. Хозяйство в 1929 г., как кулацкое, было ликвидировано.

Я и мои братья росли в семье враждебно встретивших Октябрьскую революцию и установление советской власти, в результате братья мои в те годы в рядах белогвардейцев участвовали в вооруженной борьбе против советской власти.

В белой армии служило три моих брата – Андрей, Александр и Михаил. Все они являлись офицерами армии генерала Краснова и под его командованием участвовали в боях против Красной Армии под городом Царицын, где Андрей получил контузию и умер. А Александр и Михаил с остатками разбитой армии Краснова из-под Царицына бежали и впоследствии эмигрировали за границу, во Францию. С ними до 1923–1924 гг. мы поддерживали письменную связь.

Последующие репрессии, проводимые против моих родственников и лично меня, обостряли мои антисоветские взгляды. Однако, чувствуя свое бессилие в проведении какой-либо антисоветской работы, я вынужден был маскироваться и приспособливаться, вынашивая в себе всю злобу и ненависть к советской власти.

Нападение Германии на СССР я встретил с восторгом и злорадствовал по поводу первоначальных успехов немецкой армии. Я считал, что наконец-то советская власть немцами будет свергнута и будет опять восстановлен капиталистический строй, где “мы – пострадавшие от советской власти” будем пользоваться почетом и уважением. Для меня было безразлично, какую власть восстановят немцы, я мечтал только об одном, т. е. о свержении советской власти. Будучи в начале войны на службе в Красной Армии, я заранее составил для себя план и впоследствии осуществил его, о пе-

реходе на сторону врага с той целью, чтобы принять непосредственное участие в борьбе против Советского Союза» (АУФСБ РФ по БО. Ф. 13. АУД № 9736. Т. 1. Л. 120).

Еще один из примеров мести за своих близких. Из протокола допроса бывшего помощника начальника полиции Белгорода Г. Федоровского от 13 февраля 1959 года: «Мои родители: отец – Федоровский Илларион Артамонович; мать – Федоровская Елена Захаровна в прошлом проживали в Белгороде, Харькове и Славянске. Отец умер в 1928 г., мать – в 1931 г., родители проживали примерно с 1918 г. Они владели горшечной и сенной лавками. В 1922 или в 1923 году, а возможно и позднее у отца за неуплату налогов был конфискован дом. Тогда же отец и мать лишились избирательных прав. Прибыв в Белгород, я явился к городскому голове немцу Пфецелю Генриху Христиановичу, рассказал ему о себе, своих родственниках и попросил его вернуть мне в собственность дом, который был отобран у родителей Советской властью.

При поступлении в полицию я руководствовался мотивом. Я думал, что немцы обосновались здесь окончательно, что Советской власти здесь больше не будет. Меня вполне устраивал режим, установленный немецкими оккупационными властями. Будучи недовольным Советской властью за репрессии в отношении моего отца и моей матери, я поступил на службу в полицию, понимая, что эта служба предоставляет мне возможности для борьбы против Советской власти и укрепления “нового порядка”, который насаждался немцами» (АУФСБ РФ по БО. Ф. 12. Д. 11183. Т. 1. Лл. 29–36).

Как видим, мотивация перехода на сторону нацистской Германии отдельных советских граждан в годы Великой Отечественной войны была разнообразной. Но можно обнаружить одну закономерность – немецкие оккупационные власти на руководящие должности в коллаборационистские органы власти на территории Курской области подбирали лиц, которые могли их убедить в своем искреннем желании бороться против советской власти, а также верой и правдой служить германскому «новому порядку». Среди бывших активных пособников немецких захватчиков из числа советских граждан, действовавших на территории Курской области в 1941–1943 годах, наибольшее желание выслужиться перед немецким командованием демонстрировали те, кто имел более осознанное и глубокое основание ненавидеть прежние советские порядки. Их, как правило, и назначали на руководящие должности в коллаборационистские гражданские и репрессивные органы власти.

Литература

Андреев, В. 1949. *Народная война. Записки партизана-офицера в Великую Отечественную войну*. М.: Худ. лит-ра.

Беликов, Г. А. 1998. *Оккупация. Ставрополь. Август 1942 – январь 1943*. Ставрополь: Фонд духовного просвещения.

Богданов, С. В. 2014. *Неотвратимое возмездие: рассекреченные документы. Из истории борьбы органов государственной безопасности Белгородской области с изменниками Родины и активными пособниками немецких оккупантов*. Белгород: Белгородская областная типография.

Будницкий, О. В. 2013. *Одесса. Жизнь в оккупации, 1941–1944*. М.: РОССПЭН.

Ковалев, Б. Н. 2004. *Нацистская оккупация и коллаборационизм в России, 1941–1944*. М.: АСТ.

Колесник, А. Н. 1991. *Генерал Власов – предатель или герой?* М.: Техинвест.

Кринко, Е. Ф. 2000. *Жизнь за линией фронта: Кубань в оккупации (1942–1943 гг.)*. Майкоп: Изд-во АГУ.

Малиновский, В. В. 1996. Кто он, российский коллаборационист: патриот или предатель? *Вопросы истории* 11–12: 160–166.

Напсо, Н. Т. 2010. Северокавказские воинские формирования в германских вооруженных силах (1941–1945 гг.). *Казанская наука* 8: 95–99.

Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: сб. документов. Т. 2. Кн. 1. 2000. М.: Русь.

Ратушняк, О. В. 2013. Участие казачества во Второй мировой войне на стороне Германии. *Теория и практика общественного развития. Исторические науки* 3: 125–129.

Семиряга, М. И. 2000. *Коллаборационизм: природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны*. М.: РОССПЭН.

Синицын, Ф. Л. 2011. Депортации народов как фактор дестабилизации этнической ситуации в Поволжском, Кавказском и Крымском регионах СССР (1941–1944 гг.). *Информационная безопасность регионов. Научно-практический журнал* 2(9): 137–142.

Футорянский, Л. И. 2005. Казачьи части на фронтах Второй мировой войны. *Вестник Оренбургского государственного университета* 9: 4–9.

Архивы:

АУФСБ РФ по БО – Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Белгородской области.

АУФСБ РФ по КО – Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Курской области.